

“увлекательное и полезное чтение”, существенное свидетельство об эпохе, которую никто не знает так хорошо, как Эренбург. Зимой следующего года была предпринята резкая атака на интеллигенцию, но к концу лета 1963 года Хрущев снова начал сдерживать реакционеров и благоволить к либералам — тем писателям, которые хотели поддерживать контакты с Западом и правдиво писать о жизни в стране. Некрасова не исключили из партии, Эренбург продолжал находиться на переднем крае идейной борьбы; выдающиеся заслуги, авторитет и принципиальность Твардовского были вознаграждены долгожданной публикацией его сатирической поэмы “Теркин на том свете”. В поэме русский солдат Василий Теркин попадает на тот свет — в царство бюрократии советского образца. Мне хочется думать, что разговор Фроста с Хрущевым и обещание Хрущева покончить с грубой пропагандой способствовали улучшению обстановки в мире.

Фроста встретили в московском аэропорту с распростертыми объятиями. Евтушенко и Симонов накануне вечером заменили Фроста на запланированном поэтическом чтении. В актовом зале Педагогического института имени Ленина собралось свыше тысячи человек. Они слушали, как Евтушенко и Симонов читали стихи самого Фроста и стихи, посвященные ему, и говорили о его поэзии. До последней минуты никто не знал, что мы опоздали на самолет и что следующий рейс будет только в девять утра. По возвращении в Москву Фрост даже сандвич съесть не успел, как налетела толпа журналистов.

На пресс-конференции в гостиничном номере Фроста присутствовали примерно шестьдесят-семьдесят корреспондентов. Были установлены микрофоны, работали камеры телевизионщиков и кинохроникеров. Фрост говорил членораздельно, но его не всегда легко было понять. Часть вопросов он вообще прослушал и во многих случаях не столько отвечал на заданный вопрос, сколько высказывал то, что, как